



Ничего не вернуть
ИЗМЕНА

— — — — —
УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

Измена. Ничего не вернуть

<https://litres.ru/74215777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я увидела его своими глазами.

Обхватив огромный живот обеими руками, я смотрела, как мой муж целует другую женщину на столе своего кабинета. Как она пачкает помадой его щёки. Они полуразделье... Они уже "после"...

А я стою, роняя термос из рук, и по щекам катятся слёзы.

Восемь месяцев беременности. Двенадцать лет брака. Двое детей дома. И вся моя жизнь, разлетающаяся на осколки за одну секунду.

А потом моё тело пронизывает адская, дикая боль. Схватки. Преждевременные роды. Но я бегу прочь, не обращая внимания на крики предателя позади.

И понимаю: ничего уже не вернуть.

Ульяна Соболева

Измена. Ничего не вернуть

ИЗМЕНА. НИЧЕГО (НЕ) ВЕРНУТЬ

Глава 1

Февраль пришел в Зареченск серым и промозглым. Не морозным – таким, когда снег хрустит под ногами и щеки пылают от холода. А мокрым, неприятным, когда снег превращается в кашу под ногами, небо нависает свинцовой плитой, а ветер пробирает до костей. Восьмой месяц беременности – это когда каждый шаг дается с трудом, когда спина ноет, а ноги отекают к вечеру так, что обувь впивается в кожу. Но я не жаловалась. Наоборот. Эта тяжесть была приятной, желанной.

Я шла по проспекту Ленина, придерживая округлившийся живот, и улыбалась. Просто так. Потому что была счастлива. Потому что через месяц, максимум полтора, наша семья станет полной. Идеальной.

Мы были как хрустальный шар, полный света и обещаний, который вот-вот должен был разбиться о жестокую реальность. И я, дура, не видела трещин, не слышала предсмертного звона. Моя наивность была моим проклятием, а счастье – лишь тонкой коркой льда над бездной.

Но я не знала этого. Еще не знала.

— Мама! Ма-а-ам! — голос Максима ворвался в мои мысли, как всегда — громкий, требовательный, полный детской непосредственности.

Я обернулась и увидела, как мой семилетний сын несется по тротуару, волоча за собой младшую сестру. Его темные волосы — точь-в-точь как у Руслана — торчали из-под вязаной шапки, щеки покраснели от бега.

— Там дядька продает блины! Горячие! Можно купим? Ну пожа-а-алуйста!

Аня, моя пятилетняя принцесса, кивала так усердно, что чуть не потеряла розовую шапочку. Ее светлые кудри — в меня — выбивались наружу, а синие глаза смотрели с такой надеждой, что отказать было физически невозможно.

— Хорошо, солнышки. Только по одному, договорились?

Мы подошли к лотку, дети прыгали от нетерпения, а продавец — пожилой мужчина с усталым лицом — заворачивал горячие блины в бумагу.

— Скоро весна, красавица, — сказал он мне, протягивая блины детям. — Третьего ждете? Пусть здоровеньким родится.

— Спасибо, — улыбнулась я, чувствуя, как внутри меня шевелится малыш.

Мы пошли дальше. Серый февральский день был обычным. Люди спешили по своим делам, машины ползли в пробках, над городом висела серая дымка. Ничего особенного.

Обычный будний день.

Но для меня он был последним днем счастья.

— Мам, а это будет мальчик или девочка? — спросил Максим в который раз.

— Не знаю, солнышко. Папа хочет, чтобы это был сюрприз.

— А ты хочешь?

Я задумалась. Хотела ли я знать? С Максимом и Аней я узнавала пол на УЗИ, заранее готовила комнату, покупала одежду нужного цвета. Но Руслан настоял, чтобы в этот раз мы не узнавали. Сказал, что так интереснее, романтичнее. Что это будет особенный момент – когда врач скажет: «У вас мальчик!» или «У вас девочка!» прямо в родзале.

Я согласилась. Я всегда соглашалась с Русланом. Он был старше, опытнее, умнее. Он был врачом – нейрохирургом, человеком, который держал в своих руках чужие жизни и судьбы. Как я могла не доверять его решениям?

— Хочу, чтобы это был сюрприз, — ответила я сыну. — Для нас всех.

Максим пожал плечами и убежал вперед, гоняя снежки. Аня взяла меня за руку, и мы медленно, очень медленно пошли к дому.

Наш коттедж в поселке «Солнечный Берег» был воплощением той жизни, о которой я мечтала. Двухэтажный, с большими окнами, камином в гостиной и садом, который летом утопал в розах, а зимой превращался в сказочную поляну.

Мы купили его пять лет назад, когда Руслан получил повышение и стал заведующим отделением нейрохирургии в клинике «Надежда». Тогда это казалось началом чего-то великого. И оно было началом. Только я не понимала – чего именно.

Я открыла дверь, и нас встретило тепло. Все было идеально. Картинка из журнала о счастливой семейной жизни.

Только в этой картинке не хватало одной детали.

Руслана.

Он приходил домой все позже и позже. Уходил рано, возвращался за полночь. Целовал меня в лоб – всегда в лоб, как ребенка – и уходил в душ. За ужином молчал, уткнувшись в телефон. Когда я пыталась заговорить, отвечал односложно: "Да", "Нет", "Устал". На вопрос, как дела на работе, отвечал: "Сложно. Много операций. Ты же знаешь".

Я знала. Конечно, знала. Профессия нейрохирурга – это не девять-до-пяти. Это жизнь на грани, постоянный стресс, ответственность за каждый разрез, каждый миллиметр. Он спасал жизни. Разве я могла обижаться на его усталость?

Но иногда, лежа ночью одна в нашей широкой постели, я чувствовала, как между нами растет пропасть. Тонкая, почти незаметная, но от этого не менее реальная. Он был рядом физически, но где-то далеко душой. Его взгляд скользил мимо меня, его прикосновения были формальными, механическими. Даже когда он гладил мой живот, разговаривая с малышом, я чувствовала отстраненность. Словно он играл роль

заботливого отца, но сердцем был где-то в другом месте.

Я списывала это на работу. На суету в больницах всегда аврал в это время. На мою беременность — может, он боялся мне навредить, поэтому держал дистанцию? Я придумывала тысячу оправданий, только бы не признать очевидное.

Что-то было не так.

Вечером, когда дети наконец уснули — а усыпить их всегда было квестом повышенной сложности — я села в кресло у камина с чашкой травяного чая. Смотрела на огонь, на елку, на падающий за окном снег. Часы показывали половину одиннадцатого. Руслана не было.

Я написала ему: "Ты скоро?"

Ответ пришел через пятнадцать минут: "Задерживаюсь. Консилиум по сложному пациенту. Ложись спать. Люблю". Люблю.

Два слова, которые когда-то грели лучше любого камина. А теперь оставляли после себя привкус пепла и холод в груди. Я обхватила руками живот, и малыш толкнулся, словно чувствуя мое настроение.

— Все хорошо, солнышко, — прошептала я. — Папа просто очень занят. Скоро все наладится. Он возьмет отпуск, мы будем вместе. Встретим тебя вместе.

Но даже себе я не верила. В горле пересыхало, мурашки бежали вдоль позвоночника, кости ломило от напряжения. Это не было предчувствие радости. Это был страх.

Следующий день начался как обычно. Я проводила Максима в школу, Аню – в садик, вернулась домой и попыталась заняться делами. Погладить белье. Разобрать игрушки. Связать еще одну шапочку для малыша. Но руки не слушались, мысли путались, а тревога сидела в груди тяжелым комом, который невозможно было проглотить.

Руслан ушел рано утром, даже не позавтракав. Я слышала, как он тихо – чтобы не разбудить детей – заварил себе кофе на кухне. Хлопнула входная дверь. Тишина.

Я лежала в постели и делала вид, что сплю. Потому что не знала, что сказать. Не знала, как спросить: «Что с нами происходит?» Боялась услышать ответ.

К обеду я уже извелась окончательно. Позвонила Руслану – сбросил. Написала – ответил через час: "На обходе. Позже перезвоню". Не перезвонил.

Я смотрела в окно на падающий снег и чувствовала, как внутри растет что-то темное, холодное. Недоверие? Обида? Или уже что-то хуже?

И тут я вспомнила.

Утром, когда Руслан собирался, я видела на столе в прихожей папку с документами. Ту самую, которую он искал вчера вечером, переворачивая весь кабинет. Важные бумаги для медицинского симпозиума – он должен был сегодня их сдать. Но забыл.

Я подошла к столу. Папка лежала на том же месте. Значит, он все еще ее не забрал.

И тут в голову пришла идея. Простая, наивная, глупая идея.

Я сделаю ему сюрприз.

Отвезу документы в клинику. Заодно возьму термос с горячим чаем – на улице мороз, а он наверняка не успел нормально поесть. И имбирные пряники, его любимые. Приеду, отдам все это, мы поговорим. Может быть, увижу его улыбку. Может быть, он обнимет меня, как раньше. Может быть, скажет, что просто устал, что все наладится. Может быть...

Может быть, я просто хотела убедиться, что все в порядке. Что я схожу с ума на пустом месте. Что мои страхи – это просто гормоны беременной женщины, раздутые до размеров трагедии.

Я собралась быстро. Позвонила соседке – Ирине Петровне, доброй женщине, которая обожала моих детей – попросила посидеть с ними пару часов. Та с радостью согласилась. Одеда теплый пуховик – живот еле влезал, пришлось оставить молнию наполовину расстегнутой. Собрала в корзинку термос с чаем, пряники, аккуратно уложила папку с документами.

Села в машину. Включила зажигание. Обогрев на полную мощность – на улице было минус пятнадцать.

Посмотрела на себя в зеркало заднего вида. Бледное лицо, синяки под глазами, растрепанные волосы. Когда я успела так постареть? Когда перестала следить за собой?

Нет. Все будет хорошо. Я просто устала. Беременность,

дети, суета. Руслан обрадуется. Мы поговорим. Все наладится.

Я выехала со двора. Зареченск лежал передо мной, припорошенный снегом, нарядный, праздничный. Город надежды. Город обещаний. Город, который через несколько часов станет для меня адом.

Но я этого еще не знала.

Я ехала по знакомым улицам, мимо парка, где мы с Русланом гуляли в первые годы знакомства. Мимо кафе, где он сделал мне предложение. Мимо больницы, где родились Максим и Аня. Каждый уголок этого города хранил частичку нашей истории любви.

Бизнес-центр «Высота» возвышался в деловом районе – стеклянная громада, сверкающая на фоне зимнего неба. Клиника «Надежда» занимала верхние этажи. Я припарковалась, с трудом выбралась из машины – живот мешал каждому движению – и направилась ко входу.

Внутри было тепло, пахло дорогим кофе и чем-то медицинским. Я поздоровалась со знакомым охранником, он кивнул, улыбнулся. Лифт вознес меня на двадцать третий этаж.

Коридоры клиники были почти пустыми – рабочий день подходил к концу. Из кабинетов доносились приглушенные голоса, где-то тихо играла музыка.

Я шла медленно, держа корзинку с термосом. Сердце билось чаще обычного. Почему? Я делала хорошее дело. Везла мужу забытые документы. Это ведь нормально. Это ведь то,

что делают любящие жены.

Кабинет Руслана находился в конце коридора. Большой угловой кабинет с панорамными окнами – привилегия заведующего отделением. Я подошла к двери и хотела постучать.

Но замерла.

Изнутри доносились звуки. Тихие. Приглушенные. Смех. Женский смех. Мягкий, довольный, интимный.

Я знала этот смех. Ольга. Его врач невролог из клиники. Пару раз встречалась с ней тогда она тоже заливисто смеялась.

Рука, державшая корзинку, задрожала. Я сказала себе, что это ничего. Просто работа. Они обсуждают какие-то документы. Может, он диктует ей что-то. Может...

Но смех не прекращался. И к нему присоединился другой голос. Мужской. Низкий. Руслан.

— Нет, — прошептала я. — Нет, нет, нет...

Я должна была развернуться и уйти. Просто уйти. Оставить корзинку у двери и уехать домой. К детям. В свой теплый дом, где елка сияет огнями, где пахнет имбирным печеньем, где все еще можно притвориться, что ничего не происходит.

Но я не ушла.

Рука сама потянулась к двери. Я толкнула ее. Совсем чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы заглянуть внутрь.

Ровно настолько, чтобы увидеть...

Глава 2

...и увидела.

Увидела то, что разум отказывался принимать. То, что глаза пытались стереть, моргая, как будто это мираж, галлюцинация, побочный эффект беременности или недосыпа. Но картинка не исчезала. Она становилась четче, ярче, детальнее с каждой секундой.

Руслан.

Мой Руслан. Отец моих детей. Человек, с которым я прожила двенадцать лет. Человек, которому я доверяла больше, чем себе. Он стоял у своего огромного рабочего стола, того самого, за которым принимал важных пациентов, подписывал документы, планировал сложнейшие операции.

А на этом столе, раздвинув ноги, сидела она.

Ольга Викторовна Смирнова. Двадцать восемь лет. Врач невролог. Эффектная брюнетка с точеной фигурой, которую она всегда подчеркивала облегающими деловыми платьями. Я видела ее сотни раз на корпоративах, на днях рождения коллег Руслана, на медицинских симпозиумах. Всегда вежливая, всегда профессиональная. Всегда с этой улыбкой – сладкой, как яд.

Ее руки обвивали шею моего мужа.

Его руки лежали на ее бедрах.

Их губы были слиты в поцелуе.

Не быстрым, не случайном, не "упс-мы-споткнулись-и-случайно-поцеловались". Нет. Это был долгий, глубокий, жадный поцелуй людей, которые делали это не в первый раз. Которые знали вкус друг друга. Которые...

Термос выскользнул из моих рук.

Грохот. Металл ударился о паркет, раскатился по полу, оглушительно громкий в мертвой тишине кабинета. Крышка отлетела, горячий чай брызнул на мои ноги, но я не чувствовала ожога. Я вообще ничего не чувствовала. Только пустоту. Ледяную, всепоглощающую пустоту, которая расплзалась из центра груди, замораживая все на своем пути.

Они разорвали поцелуй.

Руслан обернулся.

Наши глаза встретились.

Его лицо... Господи, его лицо. Я никогда не забуду это выражение. Шок. Ужас. Вина, написанная крупными буквами на каждой морщинке, в каждой складке. Он открыл рот, пытаясь что-то сказать, но не издал ни звука. Только стоял, бледный, как полотно, с размазанной помадой на губах.

Помадой Ольги.

А Ольга смотрела на меня совсем иначе. В ее глазах не было шока. Не было страха. Там было торжество. Холодное, расчетливое торжество хищника, который поймал добычу и

теперь демонстрирует ее сопернице. Она медленно слезла со стола, поправила юбку, провела рукой по волосам. Улыбнулась.

Улыбнулась мне.

И в этой улыбке было все. "Я выиграла. Он мой. Ты проиграла".

Мой мир, выстроенный из доверия и любви, рассыпался в прах, как карточный домик, под взглядом, который я никогда не забуду. В тот момент я поняла, что предательство — это не просто слово, это физическая боль, которая выворачивает тебя наизнанку, выжигая все живое.

— Алена... — голос Руслана прорезал тишину. Хриплый. Умоляющий. — Алена, это не...

Он не закончил. Потому что я уже развернулась.

Потому что воздух внезапно закончился в моих легких, и мне нужно было выбраться отсюда. Немедленно. Сейчас же. Или я задохнусь. Или упаду. Или сойду с ума прямо здесь, в этом стерильном коридоре с запахом дорогого кофе.

Я побежала.

Насколько это возможно на восьмом месяце беременности, с огромным животом, который тянул вниз, мешая каждому движению. Я бежала по коридору, мимо приоткрытых дверей кабинетов, мимо удивленных лиц медсестер. Мимо всего этого притворства, всей этой лжи.

— Алена! Алена, стой! — крик Руслана где-то позади. Я не оборачивалась.

— Подождите! — голос Ольги. Насмешливый? Или мне показалось?

Я не останавливалась. Руки сами нащупали кнопку вызова лифта. Нажала. Один раз. Второй. Третий. Дрожащими пальцами, которые не слушались, как будто принадлежали кому-то другому.

Лифт не ехал.

Я обернулась. Руслан выскочил из кабинета, застегивая на ходу пуговицы рубашки. Он бежал ко мне, вытянув руку, как будто пытался дотянуться через эти двадцать метров, разделяющие нас.

— Алена, прошу тебя, дай мне объяснить! Это не то, что ты думаешь!

Не то, что я думаю?

НЕ ТО, ЧТО Я ДУМАЮ?!

Смех вырвался из моего горла. Истерический, надломленный, чужой. Я услышала его и испугалась самой себя.

— Не подходи, — прошипела я. Голос не слушался, срывался на визг. — Не смей ко мне подходить!

Боль ударила внезапно. Острая, пронзающая, словно кто-то вонзил нож в низ живота и начал выворачивать внутренности наружу. Я задохнулась, схватилась за стену, пытаюсь удержаться на ногах.

Схватка.

Нет. Только не сейчас. Только не здесь.

— Алена! — Руслан кинулся ко мне, но я отшатнулась,

прижавшись спиной к холодной стене.

— Не трогай меня! — закричала я. — Не смей ко мне прикасаться!

Лифт наконец приехал. Двери открылись с тихим звоном, который показался мне колокольным звоном на похоронах. Я буквально упала внутрь, нащупала кнопку первого этажа, нажала, нажала еще раз, умоляя двери закрыться быстрее.

Руслан стоял в коридоре, протянув руку. Его лицо было искажено от отчаяния, губы что-то беззвучно шептали. Может, "прости". Может, "подожди". Может что-то еще. Мне было все равно.

Двери закрылись.

Тишина.

Я прислонилась к зеркальной стене лифта, смотрела на свое отражение и не узнавала себя. Бледное лицо, широко распахнутые глаза, в которых плескалась такая боль, что смотреть на них было невыносимо. Губы дрожали. По щекам текли слезы, хотя я не помнила, когда начала плакать.

Восемь месяцев беременности. Огромный живот под растянутым пуховиком. Растрепанные волосы. Размазанная тушь. Я выглядела как сумасшедшая.

Может, я и была сумасшедшей.

Может, все это мне приснилось. Кошмар. Глупый, жестокий кошмар, от которого я сейчас проснусь в своей теплой постели, рядом с Русланом, и он обнимет меня, и скажет, что все хорошо, что это просто плохой сон.

Новая волна боли прокатилась по телу, и я застонала, сползая по стене вниз. Схватки усиливались. Это было неправильно. Слишком рано. Еще месяц. У меня еще месяц!

Лифт остановился на первом этаже. Двери открылись. Холл, полный людей – посетители клиники, врачи, медсестры. Все повернулись, глядя на беременную женщину, которая сидела на полу лифта и рыдала.

— Вам помочь? — какой-то мужчина в белом халате шагнул вперед, протягивая руку.

— Не надо, — я оттолкнула его руку, с трудом поднимаясь. — Я... я сама.

Вышла из лифта. Шла через холл, чувствуя на себе десятки взглядов. Сочувствующих. Любопытных. Безразличных. Охранник что-то спросил, но я прошла мимо, не слыша.

Выскочила на улицу.

Мороз ударил в лицо, обжег легкие. Минус пятнадцать. Я стояла в расстегнутом пуховике, и холод пробирал до костей, но я не чувствовала его. Внутри было холоднее. Намного холоднее.

Это был не удар. Это было распятие.

Меня пригвоздили к кресту предательства, и гвозди вбивали медленно, методично, чтобы я прочувствовала каждую секунду боли. Каждый миг агонии.

Такси. Мне нужно такси.

Я махнула рукой. Желтая машина остановилась рядом. Водитель – мужчина лет пятидесяти с усталым лицом – по-

смотрел на меня с тревогой.

— Девушка, вам точно нужно такси? Может, скорую лучше?

— Роддом, — прохрипела я, забираясь на заднее сиденье.
— Городская больница номер один. Быстро!

— Рожаете? — он развернулся, глядя на меня с беспокойством.

— Быстро! — закричала я, и он вздрогнул, кивнул, нажал на газ.

Машина тронулась. Зареченск поплыл за окном — огни, счастливые лица прохожих с пакетами подарков. Город готовился к празднику. К Дню всех влюбленных

А я умирала.

Не физически. Хотя боль в животе становилась все сильнее, накатывая волнами, каждая из которых была хуже предыдущей. Нет. Я умирала иначе. Внутри. Там, где живет вера в людей. Где живет любовь. Где живет доверие.

Все это выжгло. Дотла. Испепелило, не оставив ничего, кроме пепла и пустоты.

Двенадцать лет. Двенадцать лет я строила этот мир. Наш мир. Кирпичик за кирпичиком. День за днем. Ночь за ночью. Я рожала его детей. Я ждала его из операционных. Я гладила его рубашки. Я готовила его любимые блюда. Я верила каждому его слову.

Каждому. Слову.

"Задерживаюсь на работе". Работа.

"Сложный пациент". Пациент.

"Консилиум". Консилиум.

А на самом деле – она. Ольга. С ее холодными глазами и торжествующей улыбкой. Сколько раз? Сколько раз, пока я готовила ужин, укладывала детей спать, гладила свой беременный живот, он был с ней?

Меня выворачивало наизнанку. Не от тошноты – от ненависти. Такой жгучей, такой всепоглощающей, что я чувствовала ее вкус на языке. Металлический. Горький. Вкус предательства.

— Девушка, вы как? Держитесь? — голос водителя дрожал. — Мы уже почти приехали.

Я не ответила. Не могла. Схватка накрыла новой волной, и я застонала, вцепившись в сиденье. Что-то теплое потекло по ногам. Воды? Кровь? Я не знала. Не хотела знать.

Ребенок.

Мой ребенок.

Наш ребенок.

Тот самый, который должен был стать венцом нашей любви. Символом нашей счастливой семьи. Он сейчас борется за жизнь, а я... Я привела его сюда. В эту боль. В это отчаяние. В этот ад.

— Прости, — прошептала я, глядя живот дрожащей рукой. — Прости меня, малыш...

Горло сжало. Я не могла говорить. Не могла дышать. Мурашки бежали вдоль позвоночника, тело выгнулось дугой от

очередной схватки. Кости ломило, словно их выкручивали изнутри. В горле пересохло так, что каждый вдох обжигал.

Машина резко затормозила.

— Приехали! Роддом! — водитель выскочил, распахнул дверь, протянул мне руку. — Давайте, я помогу!

Я попыталась встать, но ноги подкосились. Он подхватил меня под руку, почти тащил к входу в больницу. Автоматические двери распахнулись. Теплый воздух, запах медикаментов, белые стены.

— Помогите! — крикнул водитель. — У нее схватки! Роды!

Люди в белых халатах. Каталка. Меня положили, повезли по коридору. Яркий свет на потолке мелькал, мелькал, мелькал. Голоса. Вопросы.

— Как вас зовут?

— Срок беременности?

— Когда начались схватки?

— Есть ли хронические заболевания?

Я отвечала механически, не понимая, что говорю. Мозг работал на автопилоте, пока тело разрывалось на части.

Меня привезли в родовой зал. Переложили на кровать. Врач — женщина лет сорока с усталым, но добрым лицом — склонилась надо мной, щупая пульс.

— Алена Сергеевна, вы меня слышите?

Я кивнула.

— У вас начались преждевременные роды. Срок — трид-

цать пять недель. Это рано, но ребенок уже жизнеспособен. Мы сделаем все возможное, хорошо?

Жизнеспособен. Возможное. Хорошо.

Слова, которые должны были успокоить. Но я не чувствовала ничего. Только пустоту. Ледяную. Мертвую.

— Мужа вызвать? — спросила медсестра, доставая мой телефон из кармана пуховика.

— Нет! — я схватила ее за руку с такой силой, что она вскрикнула. — Нет. Никого не вызывайте. Никого!

— Но...

— Я сказала – никого!

Они переглянулись. Я видела в их глазах непонимание, сочувствие, тревогу. Но мне было все равно. Руслан не войдет в эту палату. Не коснется моей руки. Не увидит рождение нашего ребенка.

Нашего?

Уже не нашего. Моего. Только моего.

Схватка накрыла с новой силой, и я закричала. От боли. От отчаяния. От ненависти, которая клокотала внутри, разрывая меня на части.

Где-то в глубине сознания промелькнула мысль – а может, это правильно? Может, это наказание? За мою слепоту. За мою глупость. За то, что я не видела, не чувствовала, не понимала.

Мы были как хрустальный шар, полный света и обещаний. А теперь этот шар лежал разбитым вдребезги, и его осколки

резали меня изнутри, не оставляя ничего живого.

— Тужьтесь! — командовала врач. — Еще! Еще раз!

Я тужилась. Из последних сил. Не ради себя. Ради ребенка. Ради того крошечного существа, которое не виновато в том, что его отец — предатель, а мать — слепая дура.

Боль достигла апогея. Я чувствовала, как разрывается, как жизнь утекает из меня. Но я не сдавалась. Я боролась. За него. За свою последнюю надежду.

И вдруг — тишина.

Оглушающая. Мертвая. Абсолютная.

Я услышала свое дыхание. Учащенное. Хриплое.

Услышала голоса врачей. Тихие. Встревоженные.

Но не услышала главного.

Крика ребенка.

— Почему он не плачет? — прошептала я. — Почему он молчит?

Врач не ответила. Она склонилась над чем-то — над ним? — спиной ко мне. Я видела, как напряжена каждая мышца ее тела. Как быстро двигаются ее руки.

— Почему он не плачет?! — закричала я, пытаюсь приподняться. — Дайте мне его! Дайте!

Медсестра мягко, но настойчиво уложила меня обратно.

— Лежите. Врачи делают все, что могут.

Все, что могут.

Эти слова я запомню навсегда. Потому что они означали

только одно.

Что-то пошло не так.

Что-то пошло очень, очень не так.

Время растянулось. Секунды превратились в минуты. Минуты – в вечность. Я лежала на этой холодной кровати, в этой белой палате, под этим ярким светом, и чувствовала, как умираю. По-настоящему.

Не тело. Душа.

А потом врач обернулась.

И я увидела ее лицо.

И все поняла.

Глава 3

Врач медленно обернулась ко мне.

На ее лице не было ничего. Ни эмоций, ни выражения. Профессиональная маска, отработанная за годы практики. Но я видела. Видела в уголках ее глаз, в том, как она сглотнула, в том, как напряглись ее плечи.

Я знала.

Еще до того, как она открыла рот, я знала.

— Мне очень жаль, Алена Сергеевна, — голос ее был ровным, тихим, но каждое слово падало на меня, как удар молота. — Мы сделали все, что могли. Но ребенок... — она замолчала, подбирая слова. Искала правильные. Мягкие. Те,

что не разорвут меня окончательно.

Таких слов не существовало.

— Ребенок родился мертвым.

Тишина.

Здесь, где должны были звучать первые крики моего ребенка, царила мертвая тишина. И эта тишина была громче любого крика, она выворачивала душу наизнанку, оставляя после себя лишь выжженную пустыню.

Я не закричала. Не заплакала. Не впала в истерику, как ожидали врачи, готовые удерживать меня, вкалывать успокоительное, утешать дежурными фразами.

Я просто лежала.

Смотрела в белый потолок. Считала трещины на штукатурке. Раз. Два. Три. Четыре. Маленькая паутинка в углу. Интересно, сколько лет этой больнице? Наверное, много. Сколько детей здесь родилось? Тысячи. Десятки тысяч. Живых. Кричащих. Жадно хватающих первый глоток воздуха.

А мой нет.

Мой молчал.

— Алена Сергеевна, вы меня слышите? — врач склонилась надо мной, взяла за руку. Ее пальцы были теплыми. Живыми. А мои — ледяными. — Вам нужно понимать... то, что произошло... острая отслойка плаценты на фоне сильнейшего стресса. Вы пережили эмоциональный шок, организм не выдержал, начались преждевременные роды. Мы боролись. Боролись до последнего. Но гипоксия была слишком силь-

ной. Ребенок не получал кислород слишком долго...

Стресс.

Эмоциональный шок.

Я убила своего ребенка.

Не руками. Не ножом. Не пистолетом. Я убила его своим сердцем, которое разорвалось на части в тот момент, когда увидела мужа с другой женщиной. Я убила его своим горем, своей болью, своей ненавистью.

— Где он? — голос мой был чужим. Хриплым. Мертвым.

— Я хочу его увидеть.

Врач замялась.

— Алена Сергеевна, может быть, не стоит...

— Я хочу увидеть своего ребенка! — я резко приподнялась, и боль пронзила низ живота. Острая. Жгучая. Но какая разница? Какая, в конце концов, разница?

Врач кивнула медсестре. Та вышла, а через минуту вернулась с маленьким свертком. Белая пеленка. Такая крошечная. Такая легкая.

Мне положили его на руки.

Я смотрела.

Он был... красивым. Идеальным. Маленькие сжатые кулачки. Закрытые глаза. Темные волосики на голове — в Руслана. Точеный носик — в меня. Губы бантиком. Он был как спящий. Как будто сейчас проснется, откроет глазки, заплачет, потребует молока.

Но он не проснется.

Никогда.

— Мальчик, — тихо сказала врач. — У вас родился сын. Сын.

У меня был сын. Третий ребенок. Братик для Максима и Ани. Тот самый, которого мы ждали. Планировали. Любили еще до его рождения.

А теперь он лежал у меня на руках. Холодный. Безжизненный. Мертвый.

И это была моя вина.

— Оставьте меня, — прошептала я. — Прошу вас. Оставьте нас... наедине.

Врачи переглянулись. Медсестра открыла рот, чтобы возразить, но доктор остановила ее жестом.

— Пять минут, — сказала она. — Но мы будем рядом. Если что-то... позовите.

Они вышли. Тихо. Осторожно. Как будто боялись потревожить.

Я осталась одна с мертвым ребенком на руках.

— Прости, — прошептала я, глядя его холодную щечку. — Прости меня, малыш. Прости, что не уберегла. Прости, что не была сильнее. Прости, что моя боль... моя глупая, эгоистичная боль... убила тебя.

Слезы наконец пришли. Не истерика. Не рыдания. Просто тихие слезы, которые текли по щекам, капали на белую пленку, впитывались в ткань.

— Ты так и не увидел этот мир. Не услышал, как поют

птицы. Не почувствовал снег на своих ладошках. Не попробовал мамино молоко. Не увидел своих брата и сестру. Они так ждали тебя. Максим хотел научить тебя играть в футбол. Аня хотела читать тебе сказки. А я... я хотела просто любить тебя. Всю жизнь. Каждую секунду.

Горло сжало так, что невозможно было дышать. Меня выворачивало наизнанку, мурашки бежали вдоль позвоночника, кости ломило от напряжения. Но я не отпускала его. Держала крепко, как будто могла согреть своим теплом. Вернуть к жизни силой своей любви.

Но любовь бессильна перед смертью.

— У тебя даже имени нет, — прошептала я. — Мы не выбрали. Руслан хотел подождать до рождения, посмотреть на тебя и решить. А теперь... теперь ты так и останешься безымянным. Маленьким мальчиком, который не успел родиться. Не успел прожить. Не успел...

Дверь открылась. Я вздрогнула, прижимая ребенка к груди.

— Время вышло, Алена Сергеевна, — голос медсестры был мягким, но настойчивым. — Нам нужно... оформить документы. Подготовить...

Она не договорила. Не нужно было. Я понимала. Подготовить к похоронам.

— Еще минуту, — попросила я. — Всего одну.

Она кивнула и снова вышла.

Я поцеловала сына в холодный лобик. Долго. Нежно.

Вкладывая в этот поцелуй всю ту любовь, которую не успела ему отдать.

— Прощай, мой мальчик. Мой маленький, несостоявшийся мальчик. Где бы ты сейчас ни был, знай — мама тебя любит. Всегда любила. И всегда будет любить.

Медсестра забрала его. Осторожно. Бережно. Унесла куда-то. В морг, наверное. Туда, где холодно и темно. Туда, где лежат мертвые.

А я осталась лежать на этой кровати, в этой белой палате, и чувствовала, как внутри меня разрастается пустота. Черная. Бездонная. Всепоглощающая.

Я убила своего ребенка.

И убил его не стресс. Не отслойка плаценты. Не гипоксия. Убил Руслан.

Своим предательством. Своей изменой. Своими губами на губах другой женщины.

Ненависть вспыхнула во мне, как пламя. Жгучая. Яростная. Такая сильная, что я чувствовала ее вкус на языке — металлический, горький, отравленный.

Я ненавидела его. Всеми фибрами души. Каждой клеткой тела. Я хотела, чтобы он страдал. Так же, как страдала я. Чтобы его разорвало на части, как разорвало меня. Чтобы он чувствовал эту боль каждую секунду оставшейся жизни.

Дверь снова открылась. Врач вошла с документами.

— Алена Сергеевна, нам нужно заполнить некоторые бумаги. И еще... — она замялась. — Ваш муж. Руслан Андре-

евич. Он здесь. Хочет вас видеть.

Все внутри сжалось в один ледяной ком.

— Откуда он знает?

— Мы... позвонили ему. По данным из вашей медкарты. Он указан как супруг и контактное лицо в экстренных случаях. Простите, мы должны были уведомить...

— Я не хочу его видеть.

— Но он настаивает. Говорит, что имеет право...

— У него нет никаких прав! — голос мой сорвался на крик. — Вы слышите?! Никаких! Не пускайте его сюда! Я не хочу! Не хочу!

— Алена Сергеевна, успокойтесь, пожалуйста...

— Убирайтесь! Все убирайтесь! — я схватила первое, что попало под руку — пластиковый стаканчик с водой — и швырнула в дверь. — Оставьте меня в покое!

Врач отступила. Я видела в ее глазах испуг, сочувствие, растерянность. Но мне было все равно. На них. На правила. На процедуры. На весь этот мир, который продолжал вращаться, несмотря на то, что мой остановился.

За дверью раздались голоса. Мужской — настойчивый, отчаянный. Руслан.

— Мне нужно к жене! Я должен ее увидеть!

— Господин Ланской, она не хочет...

— Мне плевать! Это моя жена! Мой ребенок! Я имею право!

— Пожалуйста, не повышайте голос. Здесь роддом.

— Алена! — он кричал теперь. — Алена, прошу тебя! Дай мне объяснить! Дай мне...

— Уберите его, — прошипела я врачу, которая снова вошла в палату. — Немедленно. Или я сама выйду и скажу ему все, что думаю. При всех. При вашем персонале. При пациентах. При всех!

Врач кивнула и вышла. Я слышала, как она что-то говорит Руслану. Тихо. Настойчиво. Слышала, как он пытается возразить, но она не отступает.

— Ваша жена находится в состоянии шока. Ей нужен покой. Если вы действительно о ней заботитесь, оставьте ее в покое. Хотя бы на сегодня.

Пауза. Долгая. Тягучая.

А потом — шаги. Удаляющиеся. Он ушел.

Я выдохнула. Не облегченно. Просто выдохнула, потому что легкие требовали воздуха.

Врач вернулась.

— Он ушел. Но сказал, что вернется завтра. И просил передать... — она протянула мне сложенный лист бумаги. — Это от него.

Я взяла записку. Даже не раскрывая, я чувствовала, что там написано. Извинения. Мольбы. Объяснения. Все те слова, которые ничего не меняют. Которые не вернут моего ребенка к жизни.

Я порвала записку. Не читая. Разорвала на мелкие кусочки и бросила на пол.

— Передайте ему, — голос мой был спокойным. Мертвенно спокойным. — Передайте, что я никогда, слышите, никогда больше не хочу его видеть. Ни завтра. Ни послезавтра. Никогда. Скажите, что для меня он умер. Так же, как умер наш сын.

Врач побледнела.

— Алена Сергеевна...

— Скажете?

— Я... да. Скажу.

— Хорошо. А теперь оставьте меня, пожалуйста. Одну.

Она вышла. Тихо закрыла дверь за собой.

Я лежала в этой белой палате, на этой холодной кровати, под этим равнодушным потолком. Февральский вечер сгустился за окном. Серый. Промозглый. Такой же, как и вся моя жизнь теперь.

Где-то в этом городе ходил мой муж. Человек, которому я отдала двенадцать лет. Которому родила троих детей — двоих живых и одного мертвого. Человек, который разрушил все одним поцелуем с чужой женщиной.

Где-то в этом городе жила она. Ольга. С ее холодными глазами и торжествующей улыбкой. Она выиграла. Забрала моего мужа. Убила моего ребенка.

Нет. Она не убивала. Убил он. Руслан.

А я... я была просто слепой дурой, которая не видела очевидного. Которая верила в сказки про счастливые семьи и вечную любовь.

Сказок не существует.

Любовь умирает.

А вера разбивается вдребезги, как хрустальный шар, упавший на бетонный пол.

Я закрыла глаза. Не чтобы заснуть. Сон не придет. Не сегодня. Не завтра. Может быть, никогда. Я закрыла глаза, чтобы не видеть этот мир. Этот жестокий, несправедливый, ледяной мир, в котором мертвые дети лежат в моргах, а живые предатели ходят на свободе.

Его глаза, когда он обернулся в том кабинете, были полны ужаса. Но в моих не было ни слезинки, только бездонная, всепоглощающая ненависть, которая жгла меня дотла. Я была врачом, я спасала жизни, но свою собственную я разрушила, как неосторожный хирург, перерезавший жизненно важную артерию.

Нет. Это не мои мысли. Это его. Руслана. Врача. Нейрохирурга.

А я? Кто я теперь?

Мать двоих детей. Вдова при живом муже. Женщина с мертвым сердцем.

Где-то за окном гудели машины. Кто-то в соседней палате плакал — радостно, восторженно. Наверное, родился ребенок. Живой. Кричащий. Счастливый.

А мой молчал.

Молчал вечным, оглушающим молчанием смерти.

И в этом молчании тонул весь мир.

Ночь пришла. Долгая. Темная. Бесконечная.

Я не спала. Лежала с открытыми глазами, глядя в потолок.

Считала трещины. Одна. Две. Три. Четыре. Пять.

Шесть — количество часов, что мой сын был мертв.

Семь — количество недель, оставшихся до предполагаемых родов.

Восемь — количество месяцев, что я носила его под сердцем.

Двенадцать — количество лет, что я прожила в иллюзии счастливого брака.

Ноль — количество причин жить дальше.

Дверь открылась. Медсестра — молодая, с добрым лицом.

— Алена Сергеевна, вам нужно поесть. Хоть немного.

— Не хочу.

— Но вам нужны силы. Организм пережил стресс, потерю крови...

— Оставьте меня.

— Может, я позвоню кому-то? Родственникам? Родителям?

Родители.

Мама. Папа. Они даже не знают. Не знают, что их внук умер. Не знают, что их дочь разрушена.

— Не надо, — прошептала я. — Не надо никому звонить. Я сама... потом... когда-нибудь...

Медсестра постояла еще немного, а потом тихо вышла.

Я снова осталась одна.

Одна с мертвой душой в мертвом теле.

Где-то в этом здании, на другом этаже, лежал мой сын.
Холодный. Безжизненный. Один.

А я не могла даже пойти к нему. Прижать к груди. Согреть. Защитить.

Я ничего не могла.

Я была бессильна.

Как и моя любовь.

Как и моя вера.

Как и моя надежда.

Все умерло.

Все, кроме ненависти.

Она жила. Росла. Заполняла каждую клетку, каждую пору, каждый вздох.

Ненависть к Руслану.

Ненависть к Ольге.

Ненависть к этому миру.

И эта ненависть была единственным, что держало меня в сознании. Что не давало провалиться в безумие или смерть.

Я буду жить.

Буду жить назло.

Назло ему. Назло ей. Назло судьбе.

Буду жить ради Максима и Ани. Ради моих живых детей, которые не виноваты в том, что их отец — предатель.

Буду жить и помнить.

Помнить каждую секунду этой боли. Каждый миг этого унижения. Каждый вздох этой агонии.

И никогда, слышите, никогда не прощу.

Глава 4

Февраль в Зареченске был особенно жестоким.

Не морозным — мороз хотя бы красив, хотя бы чист. Февраль был сырым, промозглым, серым. Небо нависало свинцовой плитой, снег превращался в грязную кашу под ногами, ветер пробирал до костей. Это был месяц, когда хотелось просто лежать и ждать, когда же закончится эта бесконечная зима.

Я стояла на кладбище и смотрела на крошечный белый гробик.

Такой маленький. Для такого маленького человека, который даже не успел пожить.

Вокруг было человек двадцать. Мои родители — мама рыдала навзрыд, уткнувшись в плечо отца. Папа стоял с каменным лицом, сжав челюсти так, что желваки ходили ходуном. Несколько коллег Руслана, пришедших из вежливости. Соседи. Светлана Петровна, мать Руслана, в черном пальто, с лицом цвета мела.

И Руслан.

Он стоял с другой стороны могилы. В черном костюме, с

красными, воспаленными глазами. Смотрел на гроб, потом на меня, потом снова на гроб. Губы шевелились — молитва? Или просто бессмысленный шепот?

Я не знала. И не хотела знать.

Дети остались дома. Максим и Аня. Я не могла привести их сюда. Не могла показать им, как хоронят их брата. Они еще не понимали. Мама сказала, что братик "улетел на небо к ангелам". Аня кивала, но глаза были полны слез. Максим молчал. Просто молчал, закрывшись в своей комнате.

Они чувствовали. Дети всегда чувствуют, когда мир рушится.

Священник говорил. Монотонно. Размеренно. Слова о душе, о рае, о том, что младенцы — это ангелы, которых Бог забирает к себе.

Я не слушала.

Смотрела на гроб и думала: там лежит мой сын. У которого даже имени нет. Который должен был родиться через месяц. Который должен был расти, смеяться, делать первые шаги, говорить первые слова.

А вместо этого он лежит в холодной земле. В феврале. В самом мерзком месяце года.

— ...земля еси, и в землю отыдеши... — голос священника.

Гроб начали опускать.

Мама зарыдала громче. Светлана Петровна закрыла лицо руками. Кто-то из женщин тихо всхлипывал.

А я стояла и не чувствовала ничего. Пустота. Абсолютная. Как будто внутри меня была черная дыра, которая поглотила все эмоции, оставив лишь ледяной вакуум.

Руслан сделал шаг вперед. Взял горсть земли. Бросил в могилу. Звук — глухой, окончательный — отдался в моей груди.

Потом он посмотрел на меня. Долго. Умоляюще.

Я отвернулась.

Люди начали расходиться. Подходили, жали руку, бормотали соболезнования. "Держитесь". "Крепитесь". "Время лечит". Пустые слова. Красивые, правильные, абсолютно бессмысленные.

Руслан подошел ко мне. Я почувствовала его запах — тот самый, родной, который раньше успокаивал. Теперь он вызывал только тошноту.

— Алена, — голос его был хриплым, надломленным. — Прощу тебя. Нам нужно поговорить.

Я продолжала смотреть на могилу. На свежевскопанную землю. На венок с белыми лилиями.

— Поговорить не о чем.

— Алена, я знаю, что ты чувствуешь. Я понимаю...

— Ты ничего не понимаешь.

Я повернулась к нему. Посмотрела в глаза. Те самые карие глаза, в которые когда-то влюблялась. Сейчас в них была боль, отчаяние, мольба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.